

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 180–185

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 180–185

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>

EDN: SHRMPM

Научная статья

УДК [141.319.8:39](4/5)+929[Ницше+Гумилев]

Воля к власти в этногенезе: ницшеанские мотивы евразийской антропологии

В. Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет, Россия, 443000, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Фаритов Вячеслав Тависович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, vfar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Аннотация. Введение. В статье предпринята философская реконструкция евразийской антропологии на основе анализа теории этногенеза Л. Н. Гумилева. В концептуальных разработках классика евразийства эксплицируются мотивы ницшеанской антропологии, что позволяет вписать евразийскую концепцию человека в контекст постметафизической философии. **Теоретический анализ.** Применение методологических принципов и установок философского компаративного анализа позволяет раскрыть параллели между основными понятиями теории этногенеза и базовыми концептами ницшеанской антропологии (воля к власти, сверхчеловек, вечное возвращение). **Заключение.** Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, согласно которому ключевым моментом как ницшеанской антропологии, так и антропологического учения Л. Н. Гумилева, выступает трансгрессия, понимаемая автором как онтологический горизонт, противоположный трансценденции. В статье обосновывается тезис о том, что конститутивным моментом понимания человека в учении Ф. Ницше и теории Л. Н. Гумилева является отказ от трансценденции и утверждение сугубо трансгрессивного характера человеческого бытия. Также осуществляется переосмысление характера связи ницшеанской антропологии с наследием Античности. Обращение Ницше к Античности спровоцировано ситуацией кризиса европейской метафизики и западного христианства. Обосновывается тезис, что кризис метафизической философии является одновременно основным мотивом обращения евразийцев к Востоку как к принципиально неевропейскому горизонту философской мысли.

Ключевые слова: трансгрессия, евразийство, пассионарность, воля к власти, человек

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

Для цитирования: Фаритов В. Т. Воля к власти в этногенезе: ницшеанские мотивы евразийской антропологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 180–185. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>, EDN: SHRMPM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The will to power in ethnogenesis: Nietzschean motives of Eurasian anthropology

V. T. Faritov

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443000, Russia

Vyacheslav T. Faritov, vfar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-4941>

Abstract. Introduction. The article carries out a philosophical reconstruction of Eurasian anthropology based on the analysis of the theory of ethnogenesis by L. N. Gumilyov. In the conceptual developments of the classicist of Eurasianism, the motives of Nietzschean anthropology are explicated, which makes it possible to fit the Eurasian concept of man into the context of post-metaphysical philosophy. **Theoretical analysis.** The application of methodological principles and guidelines of philosophical comparative analysis allows us to reveal parallels between the basic concepts of the theory of ethnogenesis and the basic concepts of Nietzschean anthropology (the will to power, overman, eternal return). **Conclusion.** A comparative analysis allows us to conclude that the key point of both Nietzschean anthropology and the anthropological teachings of L. N. Gumilev advocates transgression, understood by the author as an ontological horizon opposite to transcendence. The article substantiates the thesis that the constitutive moment of understanding a person in the teachings of F. Nietzsche and the theory of L. N. Gumilev is the rejection of transcendence and the affirmation of the purely transgressive nature of human existence. The rethinking of the nature of the connection between Nietzschean anthropology and the heritage of antiquity is also carried out. It is concluded that Nietzsche's appeal to antiquity was provoked by the situation of crisis in European metaphysics and Western Christianity. The thesis is substantiated that the crisis of metaphysical philosophy is at the same time the main motive for the Eurasians to turn to the East as a fundamentally non-European horizon of philosophical thought.

Keywords: transgression, Eurasianism, passionarity, will to power, man

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>

For citation: Faritov V. T. The will to power in ethnogenesis: Nietzschean motives of Eurasian anthropology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 180–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-180-185>, EDN: SHRMPM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Философская мысль XX столетия с полным правом характеризуется как «постницшеанская» [1]. Происходит становление принципиально «нового типа и качества восприятия как такового, уже вовсе не нуждающегося в текстах Ницше, чтобы воспринимать и чувствовать «по Ницше» [2, с. 794–795]. Сам Ницше предвидел данную ситуацию, когда писал, что время его философии еще не пришло, его идеи найдут своих последователей в будущих столетиях [3]. И речь идет не только и не столько о прямом и непосредственном влиянии наследия Ницше, сколько об объективном процессе становления того типа мышления, основные контуры и направления которого были разработаны философом.

Русская философия – не исключение из этого процесса. Наряду с большим количеством текстов, непосредственно отсылающих к наследию Ницше [4], ницшеанские мотивы могут быть эксплицированы в концептуальных разработках авторов, не причисляющих себя к ницшеанской парадигме. В частности, такое знаковое направление русской философской мысли, как евразийство, содержит в себе концептуальное ядро, которое может быть описано в ключевых терминах учения Ницше. Сами евразийцы не употребляли таких терминов, как «воля к власти», «сверхчеловек», «вечное возвращение», но дело не в терминах, а в направленности мысли. Да и у Ницше перечисленные понятия выступают не в качестве терминов с фиксированным содержанием, а скорее как открытые и подвижные концепты, подчас философских метафор [цит. по: 5].

Теоретический анализ

Теория этногенеза Л. Н. Гумилева вопреки заверениям автора о принципиальной «естественнонаучности» и «нефилософичности» его концептуальных разработок представляет собой вариант постницшеанской философской антропологии. Уже основное положение концепции Гумилева – этнос не состояние, а процесс – имплицитно подразумевает переход от онтологии субстанции к онтологии становления, от пара-

дигмы Парменида к парадигме Гераклита [6]. Соответственно, антропология Гумилева носит не метафизический, а «энергичный» характер: человек мыслится не как носитель субстанциального начала, а как открытая и динамическая «энергичная» конфигурация. Человек – не сочетание разумного, волевого и вожделеющего начала, не единство протяженной и духовной субстанции, а подвижная координация дискретных импульсов, неких квантов энергии: «Величина импульса пассионарности, соответственно, может быть либо больше, либо меньше, либо равна импульсу инстинкта самосохранения» [7, с. 435–436]. Из приведенного фрагмента видно, что пассионарность – не сущность, а энергичная характеристика, уровень напряжения. Пассионарность предполагает «способность к сверхнапряжению» [7, с. 270], это «импульс, достаточно мощный для того, чтобы преодолеть свойственный любому организму инстинкт личного и даже видового самосохранения, т.е. выражается он как жертвенность, простирающаяся даже на собственное потомство» [7, с. 332].

Здесь параллель с ницшеанской антропологией становится достаточно прозрачной при условии, что мы вынесем за скобки интерпретации учения Ницше, подобные хайдеггеровской. Для Хайдеггера воля к власти есть именно лежащая в основе всего сущность, т.е. философия Ницше завершает метафизический подход к бытию, который есть не что иное, как забвение бытия [8]. Зачисление Ницше в разряд метафизиков позволяет Хайдеггеру оставить заслугу «преодоления метафизики» преимущественно и исключительно за своей собственной философией. При таком подходе Ницше и Гумилев в философском плане оказываются фигурами несопоставимыми. Если же мы признаем за философией Ницше право на существование вне хайдеггеровского истолкования, то отнесение учения Гумилева к постницшеанской парадигме может получить научное обоснование. Еще раз подчеркнем: мы говорим не о прямом влиянии идей Ницше на концептуальные разработки Гумилева, а о предвосхищении Ницше того образа мыслей, который может быть охарактеризован как постметафизический [9].

В постметафизической парадигме воля к власти видится не в качестве единой и универ-

сальной сущности, а как множество дискретных импульсов, которые носят не субстанциальный, а энергийный характер. Воля к власти есть творческий импульс, направленный на преодоление человеческой природы, импульс, побуждающий человека «хотеть созидать дальше себя» («über sich hinaus schaffen will») [10, S. 454]. Именно такой творческий импульс согласно Гумилеву является силой, благодаря которой осуществляется преобразование природных ландшафтов в ходе этногенеза: «Изменение природы – не результат постоянного воздействия на нее народов, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т.е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза» [7, с. 271].

Важно, что и воля к власти, и пассионарность, как правило, губительны для индивидов, являющихся их носителями. Пассионарность есть «антиинстинкт или инстинкт с обратным знаком», поскольку побуждает к «принесению жизни в жертву ради иллюзии» [7, с. 436]. Аналогичным образом и у Ницше воля к власти означает хотеть любить и погибнуть (Lieben und Untergehn): «Где есть красота? Там, где я должен хотеть всей волей; где я хочу любить и погибнуть, чтобы образ не остался только образом. Любить и погибнуть – это созвучно от вечности. Хотеть любви – это значит хотеть также смерти» [11, с. 129].

Еще одна черта, позволяющая эксплицировать параллель между теорией пассионарности и учением о воле к власти, заключается в признании отклоняющегося характера пассионариев. Так, согласно Гумилеву пассионарность как «безусловно, редко встречающееся явление есть отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак» [7, с. 342]. Но и у Ницше в учении о воле к власти и сверхчеловеке речь идет об особых отклоняющихся и переходных натурах (Die abweichenden Übergangsnaturen) [12, с. 230]. Подобно пассионариям такие «переходные натуры», как правило, гибнут. Однако в некоторых случаях им удается не только погибнуть, но и внести в систему новые стереотипы поведения, которые затем будут приняты и усвоены остальными [13, с. 318].

На основании сказанного можно сделать вывод о *трансгрессивном* характере как воли к власти, так и пассионарности. Оба феномена

подразумевают некое отклонение от устоявшейся нормы, определенную степень нарушения установленных границ. Нарушение границ происходит как на биологическом, так и на социально-культурном уровне, т.е. как раз в зоне этногенеза, поскольку этносы – «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы» [7, с. 19]. Отмечая трансгрессивный характер пассионарности, следует учитывать несколько моментов. Во-первых, из сферы пассионарного отклонения от нормы исключаются явления патологического характера, «хотя пассионарность, конечно, – уклонение от нормы, но отнюдь не патологическое» [7, с. 342–343]. Таким образом, все, что проходит по ведомству психиатрии, а заодно и психоанализа, к пассионарности отнесено быть не может. Во-вторых, из содержания пассионарности исключаются животные инстинкты [7, с. 342]. В-третьих, пассионарность согласно Гумилеву имеет в качестве своего источника «микромутации». Это означает, что уклонение от нормы не должно быть масштабным, поскольку таковое может привести к разрушению и фактическому уничтожению человека. Из всех названных моментов следует, что пассионарная трансгрессия является не деструктивным, а творческим феноменом, направленным не на уничтожение человека, а на его преобразование. В этом принципиальное отличие теории Гумилева от концептуальных разработок «постмодернистов». Такие авторы, как Фуко, Делез и Гваттари, также говорят о трансгрессии, однако у них речь идет преимущественно о полном устранении границ человеческой субъектности (вспомним знаменитую метафору Фуко об изображении лица, начерченном на морском берегу). В постструктурализме трансгрессия, таким образом, негативна. В теории этногенеза трансгрессия позитивна, поскольку представляет собой импульс созидания, преобразования человека. В этом плане Гумилев ближе к Ницше, в учении которого воля к власти также представляет собой творческий импульс, направленный на превосходение человека: «Человек есть нечто, что должно превзойти». Как Ницше, так и Гумилев, выявил феномен позитивной трансгрессии, к которой Ницше относит волю к власти, а Гумилев – пассионарность.

Снижение уровня пассионарного напряжения формирует особый тип субпассионариев – людей с пониженной пассионарностью. В этногенезе выделяются целые фазы, в которых

субпассионарии начинают преобладать над пассионариями. В этом пункте мы подходим к проблеме ницшевского осмысления истории, весьма плодотворной для задач компаративного исследования учений Ницше и Гумилева.

Ницше сделал объектом самого пристального внимания два «этноса» – античный и современный европейский. Древние греки и современные европейцы занимали Ницше больше всего. В истории и культуре как тех, так и других, философ выявил периоды подъема и упадка. Речь идет о все той же «воле к власти», которая выступает в качестве импульса жизненной силы не только отдельных индивидов, но и целых народов и культур. Импульс может быть утверждающим, творческим или отрицающим, нигилистическим. На этом основании в истории народов выделяются эпохи подъема или упадка. При этом направленность исторического процесса всегда одинакова: от подъема к упадку. Сравнительно краткие периоды всплеска творческой силы неизбежно сменяются длительными эпохами декаданса. Молодой Ницше проследил эту закономерность на материале истории культуры Древней Греции. «Трагическая» эпоха бьющей через край жизненной силы сменяется моральным и рассудочным периодом, который знаменует начало конца.

Если заключить в скобки метафизический и мифический аспекты учения о сверхчеловеке и вечном возвращении, то получится метафорическое описание процесса этногенеза. Сверхчеловек, пришествие которого Ницше закликает устами своего Заратустры, есть не кто иной, как пассионарий, или тип «новых людей», закладывающих иные стереотипы поведения, на основе которых впоследствии может возникнуть другой этнос. Чтобы понять, почему Ницше вообще говорит о сверхчеловеке (или просто пассионарном человеке), нужно учесть исторический контекст, в котором возникло данное учение. Ницше более чем кто другой писал о современной Европе как о культуре, давно вступивший в период упадка. Такая оценка современности была высказана им еще в «Рождении трагедии» и в «Несвоевременных размышлениях». Тогда еще молодой Ницше возлагал определенные надежды на Шопенгауэра и Вагнера, видя в них пассионариев. Впоследствии философ отказался от этой точки зрения, разоблачив и того и другого в качестве декадентов. Среди своих современников-европейцев Ницше уже не видел никого, кроме декадентов и ниги-

листов, т.е. субпассионариев. Место для них осталось вакантным. Тогда Ницше и заполнил этот пробел современности «сверхчеловеком» (с выбором слова, как известно, помог гетевский «Фауст»). Предреченный период «восхождения нигилизма как история двух ближайших столетий» в терминологии Гумилева может быть охарактеризован как фаза обскурации европейского суперэтноса. Таким образом, можно констатировать, что ставший теоретико-методологическим постулатом евразийцев «отказ от европоцентризма» был осуществлен уже в учении Ницше.

В сфере философии истории Ницше осуществил критический пересмотр и отход от европоцентричной линейной модели исторического процесса. Сделал он это, как всегда, не систематично, а в отдельных фрагментах. Систематическая разработка циклической модели будет впоследствии осуществлена Шпенглером, рядом других авторов, в том числе Гумилевым. Ницше же сформулировал идею вечного возвращения. Если снять с этого учения мифический и космологический покровы, то можно обнаружить представление об исторических циклах. И здесь коренится причина того, почему вечное возвращение воспринимается Ницше одновременно как самая тяжелая мысль. Циклическая повторяемость исторического процесса предполагает возвращение не только периодов подъема, но и периодов упадка. «Сократический человек», «маленький человек» (*der kleine Mensch*), субпассионарий будет каждый раз возвращаться.

Историчность настолько укоренена в ницшевском философствовании, что даже богов он мыслит не иначе как в перспективе цикличности исторического процесса. Боги для Ницше суть выражение стадий подъема или упадка в жизни народов. Бессилие воли к власти или (в терминологии Гумилева) убывание пассионарности выражает согласно Ницше христианское представление о Боге. Однако именно в своей оценке христианства Ницше оказался несправедлив. Историческое мышление здесь уступило место тенденции к философскому обобщению. Ницше допустил ту ошибку, которую Гумилев характеризует как аберрацию близости: близкие явления воспринимаются как более значительные, чем явления далекие. Как уже отмечалось, Ницше жил в эпоху упадка европейской культуры и мыслил современность как эпоху упадка. В современном

западном христианстве он вполне справедливо видел и разоблачал феномен декаданса. Но то, что было верно по отношению к современному христианству, на поверку оказывается неверным в отношении его прошлых периодов, особенно наиболее удаленных от времени Ницше. Характерные черты христианства европейской культуры в стадии упадка философ распространил на все христианство в целом, превратив его тем самым в символ и синоним вырождения и нигилизма как таковых. В христианстве Ницше обнаружил квинтэссенцию ресентимента. Находясь в плену абберации близости и наблюдая неуклонно нарастающие тенденции к девальвации христианства в современности, Ницше формулирует свой тезис о смерти Бога. Здесь вновь сказывается его склонность к глобальным философским обобщениям: кризис западного христианства был осмыслен как событие всемирного масштаба. Ницше-философ взял верх над Ницше-ученым. Поскольку в ницшевской философской абберации христианский Бог мертв как таковой, мыслитель обратился к дохристианской эпохе. Под рукой оказались древние греки, культурное наследие которых Ницше в бытность свою филологом-классиком успел тщательно изучить. В завершение своей сознательной жизни Ницше выразил всю эту коллизию в лаконичной формуле: «Дионис против Распятого».

Более справедливую оценку христианства дает Гумилев в контексте своей теории этногенеза. Он обращает внимание на те исторические аспекты, которые совершенно упускает из виду Ницше, а именно: возникновение христианства в эпоху упадка римского суперэтнуса представляет собой пассионарный толчок, породивший впоследствии новую этническую целостность. Христианство дало иную систему отсчета, которая сделала неактуальными, фактически свела на нет упадочные учения поздней Античности. В отличие от Ницше Гумилев увидел в начальном христианстве мощнейший творческий импульс, крайнюю степень пассионарности [7, с. 507]. Пожалуй, именно здесь Ницше мог бы найти наиболее радикальную реализацию своего положения, что человек есть переход и гибель! Но, как уже было сказано, специфическая абберация ницшевской мысли не позволила ему этого сделать. Иначе Ницше был бы вынужден признать, что христианство далеко не всегда и не везде было прибежищем представителей

«морали рабов», но что «огонь пассионарности, сжигающий сердца людей того времени, вызвал вместо дружеских споров и бесед пожары, гасимые проливаемой кровью» [7, с. 507].

Заключение

Евразийская антропология носит трансгрессивный характер, как и антропологическое учение Ницше. Такая антропология принадлежит к философии постметафизического, антиэссенциалистского типа. Ключевым понятием здесь становится не сущность, а энергия, выражающаяся в концепциях воли к власти или пассионарности.

Список литературы

1. Глухов А. А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и постницшеанское преодоление платонизма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
2. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. 862 с.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 6. М. : Культурная революция, 2009. 408 с.
4. Ницше: pro et contra. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2001. 1076 с.
5. Данто А. Ницше как философ. М. : Идея-пресс, 2000. 280 с.
6. Фаритов В. Т. Онтология трансгрессии. СПб. : Алетейя, 2017. 442 с.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Азбука, 2013. 672 с.
8. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. Т. 1. СПб. : Владимир Даль, 2006. 604 с.
9. Малкина С. М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. 268 с.
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 9. М. : Культурная революция, 2013. 656 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 8. М. : Культурная революция, 2008. 704 с.

References

1. Glukhov A. A. *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i postnitssheanskoe preodolenie platonizma* [Wave overlap. Plato's political logic and post-Nietzschean overcoming of Platonism]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshemy shkoloy ekonomiki, 2014. 584 p. (in Russian).

2. Nitsche F. *Sochineniya* : v 2 t. T. 2. [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, RIPOK KLASSIK, 1998. 862 p. (in Russian).
3. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 6*. [Complete Works: in 13 vols. Vol. 6]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009. 408 p. (in Russian).
4. *Nitsche: pro et contra* [Nietzsche: pro et contra]. St. Petersburg, Russkiy khristianskiy gumanitarnyy institut Publ., 2001. 1076 p. (in Russian).
5. Danto A. *Nietzsche as a philosopher*. New York, Columbia University Press, 1965 (Russ. ed.: Danto A. *Nitsche kak filosof*. Moscow, Ideya-press, 2000. 280 p.).
6. Faritov V. T. *Ontologiya transgressii* [Ontology of Transgression]. St. Petersburg, Aletyya, 2017. 442 p. (in Russian).
7. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. St. Petersburg, Azbuka, 2013. 672 p. (in Russian).
8. Heidegger M. *Nietzsche*. Band 1, Berlin, Verlag, GALLIMARD, 1971. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Nitsche: v 2 t. T. 1*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2006. 604 p.).
9. Malkina S. M. *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov, Saratov University Publ., 2015. 268 p. (in Russian).
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln, Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S. (in Deutsch).
11. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 4]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 432 p. (in Russian).
12. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 9* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 9]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 656 p. (in Russian).
13. Nitsche F. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 8* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 8]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. 704 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.12.2023; одобрена после рецензирования 05.01.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 31.12.2023; approved after reviewing 05.01.2024; accepted for publication 02.05.2024